

Предисловие

Нижеследующие речи были произнесены в Берлине зимой 1807-1808 в виде ряда лекций, и как продолжение прочитанных мною там же зимой 1804- 1805 «Основных черт современной эпохи» (напечатанных в том же книгоиздательстве в 1806)[2]. То, что следовало мне сказать публике в этих речах и этими речами, высказано в них самих, и постольку к ним не нужно никакого предисловия. Между тем за истекшее время (вследствие того, в каком виде эти речи были напечатаны) возникло пустое пространство, требующее заполнения. Я наполню его тем, что отчасти уже прошло цензуру и было напечатано в другом месте, о чем напоминают нам слова, бывшие причиной возникновения упомянутого пробела, и что, в общем, могло бы найти здесь применение – укажу в особенности на заключение двенадцатой речи, касающееся того же самого предмета.

Берлин, в апреле 1808 года.

Фихте

Из сочинения «О Маккиавелли как писателе, и фрагменты из его работ» [3]

I. Из заключения этого сочинения

Прежде всего нам приходят на мысль два рода людей, от нападков которых мы желали бы защититься, если бы только могли.

Прежде всего – такие люди, которые, коль скоро сами они никогда не выбирают мыслью дальше последнего номера газеты, полагают, что и никто другой не в состоянии мыслить шире; что, стало быть, все, о чем говорят или что пишут, имеет некоторое отношение к этой газете, и призвано служить для нее комментарием. Этих людей я прошу принять во внимание, что никто не может сказать: «смотри, он разумеет здесь такого-то и такого-то», – если прежде сам не составит в самом себе суждения, что «такой-то» и «такой-то» человек действительно и в самом деле таков, что его здесь могли иметь в виду; что поэтому писателя, рассуждающего в общем и забывающего всякое частное время в изложении правила, объемлющего все времена, никто не может обвинить в сатире на личности, если прежде сам, как изначальный и самобытный творец, не составил такую сатиру, и поэтому, обвиняя, самым глупейшим образом выдает свои собственные сокровеннейшие мысли. Затем есть еще такие люди, которые не стыдятся никакой вещи, но стыдятся, и притом безмерно, слов об этих вещах. Ты можешь топтать их ногами у всего света на виду – им от того ни стыда, ни вреда не будет; но вот если пойдут разговоры о том, что кого-то топтали ногами, это уже будет нестерпимое для них оскорбление, и тут только начинаются для них неприятности: Ведь, кроме того, ни один разумный и благожелательно настроенный

человек и не начнет подобного разговора из злорадства, а разве только для изыскания средств к тому, чтобы этого более не случилось. Так же точно обстоит у них и с будущими неприятностями: Они хотят, чтобы им не мешали предаваться их сладким мечтаниям, и потому плотно закрывают глаза на будущее. Поскольку же другим, у которых глаза открыты, это не мешает видеть то, что приближается, и они могут впасть в искушение сказать, и назвать по имени, что они видят, – самым надежным средством от этой опасности этим людям представляется: помешать зрячим это сказать и назвать. Как будто, в противоположность действительному порядку вещей, не-сказавший станет оттого невидящим, а не-видение предмета означает его небытие. Так лунатик разгуливает по самому краю пропасти. Из милосердия к нему не зовите его – сейчас его состояние хранит его невредимым, но если он проснется, то упадет в пропасть. Пусть же и сновидения тех людей дают им привилегии, дарование и уверенность лунатиков: тогда у нас будет средство спасти их, не крикнув и не разбудив их. Говорят, что страус так же закрывает глаза при виде подходящего к нему охотника – и тоже полагает при этом, будто опасность, которая ему более не видна, вообще более не существует. И не будет ведь врагом страусу тот, кто крикнет ему: «Открой глаза, смотри – вон идет охотник, беги в ту сторону – и спасешься от него».

II. Бóльшая свобода пера и печати в эпоху Макиавелли

Быть может, кто-нибудь из наших читателей удивится, как могло случиться с Макиавелли все только что рассказанное нами. Ввиду этого и в связи с предшествующим разделом, вероятно, стоит труда, в начале 19-го столетия, из стран, которые хвалятся величайшей свободой мысли, бросить взгляд на ту свободу пера и печати, какая была в Италии и в папской резиденции, Риме, в начале 16-го столетия. Из тысяч примеров я приведу лишь один. «История Флоренции» написана Макиавелли по предложению папы Климента VI[4], и посвящена ему же. В этой «Истории», уже в первой книге, мы находим следующие слова: «До этих пор мы ни разу не упоминали ни одного племянника или родственника какого-нибудь папы, отныне же история будет полна подобных упоминаний, пока нам не придется заговорить об их сыновьях. Таким образом, для будущих пап остается только одна возможность достичь здесь большего: а именно, как до сих пор они старались поставить этих своих сыновей во главе княжеств, оставить им же в наследство и папский престол».

На эту «Историю Флоренции», как и на книгу о «Государе» и на «Рассуждения»[5], тот же Климент, *honesto Antonii* (так звали издателя) *desiderio annuere volens*[6], объявляет привилегий (*Privilegium*), в котором всем христианам запрещается перепечатка этих сочинений, под страхом отлучения от Церкви, а для папских подданных кроме того конфискации экземпляров и штрафа в 25 дукатов.

Впрочем, это вполне объяснимо. Сами папы и церковные гранды рассматривали все свои труды лишь как иллюзию для самой подлой черни и, если возможно, также для ультрамонтанов, и они были достаточно либеральны, чтобы позволить всякому образованному итальянцу с утонченным вкусом думать, говорить и писать об этих предметах так же, как они и сами говорили о них в своем кругу. Образованного человека они не хотели обманывать, а чернь не читала книг. Так же точно легко объяснить, почему впоследствии понадобились иные меры. Реформаторы учили немецкий народ читать, они

ссылались на таких писателей, которые писали на виду у пап; пример народного чтения стал заразителен для других стран, и отныне писатели превратились в страшную силу, которую поэтому надлежало содержать под более строгим надзором.

Эти времена тоже миновали, и теперь – особенно в протестантских государствах – известные отрасли писательства, как например, философское утверждение общих принципов всякого рода, подвергаются цензуре, конечно же, только потому, что это уж так издавна повелось. Поскольку же при этом оказывается, что тем, кто ничего не способен сказать, кроме того, что все и так уже знают назубок, всемерно позволяется употребить на то столько бумаги, сколько им угодно; а если действительно хотят сказать что-то новое, то цензор, будучи неспособен сразу же понять это и полагая, что в этом может заключаться некий яд, скрытый лишь от него одного, склонен бывает скорее запретить сочинение, чтобы уж наверняка не ошибиться: то, может быть, иного писателя в протестантских странах в начале 19-го столетия не стоит упрекать за то, что он желает для себя скромной и приемлемой доли той свободы печати, которую папы без колебаний признавали за авторами в начале 16-го столетия.

III. Из предисловия к оставшимся ненапечатанными беседам о любви к отечеству и ее противоположности [7]

...В этих же пределах, каких требует справедливость и рассудительность, они, я полагаю, должны позволить нам сказать не стыдясь то, что сами они не стыдятся делать в действительной жизни; ибо ведь, без всякого сомнения, поступок, который бросается в глаза, даже если мы ничего о нем не скажем, чинит много больше неприятностей, чем все наши последующие речи об этом поступке. И хотя тем людям, которые по долгу своей службы исполняют надзор за публичным книгопечатанием, ничто не мешает лично самим принадлежать к одной из спорящих ныне партий в духовном мире, – но все же они могут защитить интересы этой своей партии лишь в том случае, если сами выступят однажды в роли писателей. Но как должностные лица они не имеют партии, и должны предоставить слово разуму (который и так уж много реже просит у них слова, чем неразумие) так же точно, как позволяют они всякий день неразумию тешить свою нужду сколько вздумается; однако им отнюдь не позволено запретить нам издавать вслух какой-нибудь звук потому, что для их ушей он звучит непривычно и парадоксально.

Написано в Берлине, в июле 1806 года

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:12:51

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:16:08